

АРТЁМ КАМЕНИСТЫЙ

Чужих гор
пленники

пограничная
река

Пограничная река

Артем Каменистый
Чужих гор пленники

«Автор»

2015

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Каменистый А.

Чужих гор пленники / А. Каменистый — «Автор»,
2015 — (Пограничная река)

ISBN 978-5-9922-2061-2

Ты живешь в процветающем городе, у тебя богатые планы на сегодняшний вечер, да и на оставшуюся жизнь тоже много чего запланировано. Забудь, в жизнь твою вмешался сам космос, и будущего у тебя теперь нет. Точнее, есть, но печальное и скорее всего короткое. Самым невезучим отведены считанные минуты, агония других может затянуться на дни и месяцы. Место, куда тебя занесло, – идеальная западня, где даже дикому зверю не выжить. Можешь из кожи вон лезть, можешь потерять человеческий облик, можешь делать что угодно, но этим ты лишь выгадаешь чуть больше времени. Или рискни всем, махнув рукой на жалкие попытки растянуть отведенный тебе срок, и попробуй найти выход.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2061-2

© Каменистый А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Артем Каменистый

Чужих гор пленники

© Артем Каменистый, 2015

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА–КНИГА», 2015

* * *

Пролог

На поверхность Земли каждый год выпадает несколько тысяч тонн космического вещества. Основная его часть приходится на частицы от миллиметра и менее, люди их, как правило, не замечают. «Гостей» чуть покрупнее нередко можно увидеть в ясные ночи, их называют метеоры или «падающие звезды», они безобидно сторают в плотных слоях атмосферы, радуя глаз и позволяя загадывать желания. Объекты от килограмма, а иногда и менее, прежде чем погибнуть, успевают преодолеть значительное расстояние, ненадолго освещая небеса яркой вспышкой. При подходящих размерах и столкновениях с планетой на боковых или догоняющих курсах они даже могут упасть на поверхность единым куском либо обломками. Подобные камни называют метеоритами, их охотно помещают в музеи и частные коллекции, люди делают из них амулеты, ученые узнают новое о Солнечной системе.

Изредка с Землей пересекаются такие «камешки», что их вряд ли возьмут для пополнения музейных фондов из-за проблем с транспортировкой и размещением. Ударяя о верхние слои атмосферы на скоростях, иной раз достигающих десятков километров в секунду, они обычно взрываются, разваливаясь на части, после чего могут вызвать метеоритный дождь. Но при благоприятном строении и составе есть шанс достигнуть поверхности Земли, почти не растеряв массу, и оставить после себя страшную рану – астроблему, или, проще, метеоритный кратер. Температуры и давления при ударе таковы, что на краткий миг возникают условия, схожие с теми, что царят на огромных глубинах в недрах Земли. Вещество при этом претерпевает столь серьезные изменения, что возникают новые, нетипичные для поверхностных процессов минералы, вплоть до алмаза.

Помимо мрачной, пугающей красоты кольцевые формы рельефа зачастую обладают странными свойствами. На них наблюдаются различные геофизические аномалии, нарушение работы механических и электронных часов, охотники за летающими тарелками с удовольствием караулят рядом с кратерами неуловимых пришельцев. Возможно, не все их истории плод воспаленного воображения, кто знает, что происходит в месте, где сталкиваются два космических объекта. Ведь даже самый ничтожный астероид – это миниатюрная вселенная, сам ход времени на нем несколько другой из-за релятивистских эффектов. Трудно сказать, к чему способно привести столкновение двух миров, кроме, разумеется, неизбежного взрыва, чья мощность может оказаться достаточной для того, чтобы погубить значительную часть земной биосферы. Немало именитых ученых твердо уверены, что некоторые катастрофические вымирания живых организмов, не раз случавшиеся в истории Земли, произошли именно по вине чересчур упитанных космических гостей.

Этот астероид был относительно небольшим, даже его огромная скорость не позволила бы причинить планете глобальные разрушения с катастрофическими последствиями для животного и растительного мира. Но по капризу небесной механики его траектория пересекалась с поверхностью Земли в точке, издавна выбранной людьми для своего компактного проживания.

Эту глыбу не заметили астрономы и системы дальнего обнаружения ракетного нападения: она появилась внезапно. Курс был близок к боковому, космический странник ударил по верхним слоям атмосферы на скорости около двенадцати километров в секунду. К сожалению, он состоял не из рыхлого кометного вещества, а представлял собой почти монолитный слиток железоникелевого сплава; столкновение с плотной газовой средой его не разрушило, просто от трения о воздух поверхность мгновенно раскалилась добела. Трещины и ослабленные зоны, появившиеся в результате давнего соударения с таким же космическим скитальцем, плохо отреагировали на дикие нагрузки: несколько фрагментов отделилось от основного тела, обогнав его примерно на двадцать процентов массы.

Почти не уменьшив скорость, астероид ударил в центр промышленного мегаполиса. Никто из горожан, находившихся поблизости, не успел даже испугаться, настолько молниеносно все произошло: в тротиловом эквиваленте сила взрыва составила примерно одиннадцать миллионов тонн. Атомная бомба, в свое время разрушившая Хиросиму, была по мощности почти в тысячу раз меньше.

Но падение астероида вызвало не только чудовищный взрыв – заколебалась прочная граница, на миг приоткрылась запечатанная дверь. Через секунду все успокоилось, но было уже поздно. Катаклизм превратил центральную часть города в дымящуюся воронку, при этом погибло множество людей. В эпицентре уцелеть было невозможно. Местность, куда спустя доли секунды выпал камнепад меньших обломков, тоже сильно пострадала. И там тоже должны были погибнуть люди, в отличие от первых успевшие увидеть хотя бы вспышку.

Все люди.

Десятки или даже сотни тысяч людей.

Но, как ни странно, выжили многие, хотя спасатели не нашли никого из счастливых.

Глава 1

По роду своей деятельности Дмитрию Рогову приходилось общаться с самыми разными людьми. Всех их он мог условно разделить на две категории: те, с которыми договориться просто, и те, с которыми трудно или даже невозможно. И сейчас говорить пришлось с тем, кого сложно было отнести к какой-либо из групп. Коммуникабельный, разговорчивый в высшей мере, он мог обсуждать пустяковый вопрос чуть ли не часами, постоянно уводя нить диалога куда угодно, лишь бы в сторону от нужной темы.

В конце концов, договориться обычно удавалось, но ценой времени и нервов.

– Рогов, ты не понимаешь, – скороговоркой надрывалась «труба». – Через месяц мы должны ехать с готовым материалом, а у нас даже концепта нет. Ты понимаешь?! Да?!

Рогов был терпелив и отвечал спокойно, без надрывных ноток, то и дело проскакивающих в голосе собеседника:

– Извини, но я ничем не могу тебе помочь: высокое искусство не мое. Мне надо...

Попытка в пятнадцатый раз выяснить, когда именно можно будет устроить предварительный показ давно заказанного никчемного ролика, была грубо пресечена:

– Да пойми ты, Рог: фестиваль никто переносить не будет. И у Долгаева есть фильм. Уже готовый фильм. Готовый! Понимаешь?! А у нас ничего. Ни намека, ни идеи – ничего. Сроки, Рог, сроки. Мы не успеваем!

Рогов вклинился в микроскопическую паузу, продолжая столь же терпеливо:

– Ну раз у вас даже идеи нет по поводу шедевра, вы можете все силы направить на скучную рутину. В том числе и на наш заказ. Не так ли?

– Да забудь ты уже про свой заказ, я его сам на коленке смонтирую за вечерок. Но ты войди в мое положение: все мысли теперь об одном. Ты же знаешь Долгаева? Для нас это просто нож в спину. Вот ведь хитрая морда... У него как раз с идеями дефицита никогда нет. Ты вот знаешь, как он делал рекламу для дельфинария? Те еще даже не открылись, снимать нечего было, так он сделал без дельфинов. Ты можешь представить рекламу дельфинария без дельфинов?! Можешь?! Никто не мог представить, но он сделал. Теперь понимаешь меня?!

Честно говоря, Рогов собеседника не понимал и понимать не хотел. Он хотел узнать судьбу заказа, и ничего более. Не его вина, что приходится общаться с людьми, которые считают смыслом своего существования одно: капать ему на мозги, напрягая словоохотливостью или, того хуже, личными мелочными труднопонимаемыми проблемами.

Еще честнее говоря, Дмитрий все больше и больше убеждался, что находится не там, где ему следует находиться. Это место не для него. И этих людей он не хочет знать.

Но приходится...

Леночка, без слов все поняв, выразительно стукнула ногтем по кружке. Рогов едва заметно кивнул в ответ, надеясь только на одно: что кофе, который она приготовит себе и ему, не успеет превратиться в холодную жижу до конца разговора.

Быстрее бы эта трескотня стихла...

– ...мне нужна идея! Хоть что-то! Вся голова забита только этим! Если мы завалим все и сейчас, останется только дешевое порно снимать! Это все – это конец! Можно забыть слово «творчество»! Ну ты разве сам не понимаешь?!

– Я хочу оказаться в другом месте... – непроизвольно вырвалось у Рогова.

– Что?! Ты о чем сейчас вообще?!

Обреченно вздохнув, Рогов неимоверным усилием воли вернулся к теме обсуждения:

– Послушай, я дам тебе идею, но мой материал должен быть уже завтра.

– Что?!

– Ты сейчас что-то про порно говорил? Так вот: сними порно.

– Шутишь?! Думаешь, мне сейчас смешно?!

Опять вздох и терпеливое разъяснение:

– Ты снимешь порно без актеров. Это будет концептуально.

– Без кого?! Дмитрий?..

– А чем ты хуже этого Долгаева? У него был дельфинарий без дельфинов, у тебя фильм для взрослых без взрослых. Без людей вообще. Гарантирую: в этом ты точно будешь самым первым. До такого еще никто не додумался. Идея не занята. Ни намека на плагиат. Памятник при жизни обеспечен.

Судя по тишине в трубке и отсутствию даже малейших попыток перебить, собеседник если не заинтересован, то как минимум сбит с тропы, на которой с маниакальной страстью выискивал следы новой величайшей идеи, и потому можно попытаться вернуть его к более прозаическим делам.

– Великая идея у тебя теперь есть, так что перейдем к нашим скучным делам. Так ты сможешь...

Закончить вопрос Дмитрий не успел. Краем глаза уловил вспышку за окном, столь яркую, что жалюзи не справились: резануло по нервам, будто преграды вовсе не было. А затем...

Затем ничего.

Похоже на сон, который забываешь в первый миг пробуждения.

Вроде бы кто-то насыпал ему полный рот едкой пыли. И он долго отплевывался, а потом еще дольше нутужно кашлял. Было такое или сознание шутки шутило? Скорее всего второе.

Было и что-то другое, о чем он потом и вспомнить не мог. Какие-то смутные намеки непонятно на что. Одно можно сказать точно: когда сознание наконец вернуло способность хоть как-то запоминать события, Рогов обнаружил себя лежащим на левом боку. Один глаз оказался под поверхностью снега и ничего не видел, от второго толку было немногим больше, так как он всюду щурился из-за ослепляющего солнечного света.

Вставать категорически не хотелось. Хотелось опять провалиться в забытие, где ничего не помнишь. И в первую очередь забыть о том, что у человека имеется голова. Потому что болела она дико. Настолько дико, что, окажись рядом палач в черной маске и при окровавленном топоре, Рогов бы молил его об одном: «Рубани меня от всей души по шее! Давай же! Не тани!»

Говорят, человек не может испытывать сильную боль в нескольких местах одновременно. Но у Рогова это получилось на пять с плюсом: все его тело превратилось в средоточие страданий, и голова являлась не более чем эпицентром нестерпимого бедствия. Приходить в себя окончательно, чтобы начать разбираться с причинами недомогания, было страшно. При таких симптомах очевидно одно: с ним произошло нечто столь ужасное, после чего или остаются инвалидами-овощами, или уходят под землю в закрытых гробах.

Жить овощем не для него. Лучше полежать, подождать смерти.

Смерть вела себя как капризная дамочка на первом свидании. То есть запаздывала. Время шло, и с каждой минутой слабела уверенность в том, что он сумеет дождаться погребения. Да и мысли о неизлечимых травмах, нанесенных тушке, начали отходить на второй план. Как и боль. Или, что вероятнее, на смену ей пришло кое-что другое, тоже неприятное.

Не так просто безнаказанно валяться в снегу. Рано или поздно холод даст о себе знать.

Чем дальше, тем сильнее коченело тело. Мороз ли подействовал как анестезия или боль сама отступила, но в какой-то момент Рогов осознал, что более ни секунды не сможет терпеть. Желание свернуться калачиком, стараясь уменьшить потери тепла, он отбросил как бредовое. Будучи родом из куда более северных краев, он еще не забыл, что с холодом шутки плохи.

Сев, рукавом рубашки стряхнул подтаявший снег с лица, шураясь от жалящих солнечных лучей, уставился на открывшуюся картину. Надо признать, она не сильно походила на ту, что он видел до вспышки за окном. Ничего общего со скромным по площади и обстановке офисным

помещением одной из бесчисленного множества фирмочек, которые производят лишь испорченную бумагу и суматоху.

А на что походила?

Рогову не доводилось бывать на горнолыжных курортах, но почему-то он почти не усомнился, что если посмотрит чуть правее, то обязательно увидит подъемник или накатанную трассу. Ну что-то эдакое.

Ни подъемника, ни накатанной трассы правее не оказалось. Все тот же снег и камень. Одно отличие: местность повышается в ту сторону, причем значительно.

Осторожно, боясь побеспокоить раскалывающуюся голову, он обернулся в одну сторону, затем в другую. После чего, как следует зажмурившись, посмотрел вверх, оценивая положение светила.

Увиденное его не обрадовало. Везде все тот же снег и камень, при этом ни малейших признаков лыжного курорта не наблюдалось.

Как и вообще каких-либо признаков человеческой деятельности.

Если точнее: один признак человеческого присутствия все же наличествовал. Сам Рогов. В туфлях, брюках и рубашке для куда более теплой обстановки. Пиджак остался на вешалке, и где эта самая вешалка сейчас находится, можно только догадываться. Да и не спасет он. Пока светит солнце и тело не отказывается двигаться, здесь, похоже, не превратишься в ледышку. Но это работает лишь днем. Как только стемнеет, возникнут по-настоящему серьезные проблемы.

Внимательно себя осмотрев и ощупав голову, Рогов убедился, что страхи насчет не совместимых с жизнью или здоровьем увечий были преждевременными. Хоть и чувствует он себя не слишком хорошо, но ничего смертельного с ним не случилось: идти сможет. Это главное, потому как оставаться в царстве снега и замороженного камня не лучшая затея.

Не важно, как и куда он попал, важно как можно быстрее оказаться в более комфортном месте. Вопрос лишь в том, где такое можно найти.

Поднявшись, начал осматривать окрестности куда более внимательно, напрягая глаза, прикрывая их от света ладонями. На первый взгляд никаких перспектив. Везде все те же камни и снег. А еще вершины в высшей степени мрачных гор. Небо безупречной синевы: ни облачка, ни какого-либо намека на дымку, что вечно стелется над большими городами. Солнце печет будто лазер, похоже, несмотря на холод, он рискует здорово обгореть.

Быстро оценив общую картину, занялся мелочами. Каким бы однородным ни казалось это царство холода, на деле все не так. Вон вдалеке скала подозрительной формы. Рукотворная? Да нет, вряд ли, хотя очертания странные. А это что? А вот это?

Спустя несколько минут было замечено сразу два признака присутствия людей. Хотя с первым не все так очевидно. Просто из-за нагромождения камней и снега, что протягивается левее, к небу поднимается столб дыма. Не дыма даже – скорее дымки, но без огня его не бывает. А огонь – это дело рук человеческих. Обычно. А может, вулканическая деятельность или, допустим, источники гидротермальные. Или просто пожар, вызванный грозой. Хотя чему тут гореть...

В общем, дым – признак перспективный, но происхождение его сомнительно. Зато со вторым все совершенно очевидно: лучшим признаком человеческой деятельности является встреча с человеком – с этим не поспоришь.

Здесь были люди. Семь фигурок медленно поднимались вверх по склону. На фоне снега они выделялись не хуже жирных мух на белом потолке: не заметить трудно и перепутать со зверем тоже непросто. Если не изменят маршрут, минут через пятнадцать окажутся на той же высоте, что и Рогов. Только гораздо левее его. И если он хочет с ними встретиться, надо срочно попрощаться с этим уже изрядно поднадоевшим местом и направиться на перехват.

Психика человека – сложная штука. Иногда работает как часы, иногда чудит на ровном месте. Ну а в кризисной обстановке обязательно сюрпризы выкинет, да такие, что сам себе потом удивляться будешь. Вот и сейчас Рогов совершенно не задумывался о том, какая чума его сюда занесла. Все мысли на первых шагах были примитивнее мировоззрения таракана: снег в туфли попадает, и с этим ничего не поделаешь, а значит, носки быстро станут мокрыми; шагать тяжело, ноги проваливаются чуть ли не по колено; наст толстый, но не держит, ломается с хрустом.

В царстве безмолвия зародился звук, хорошо знакомый каждому цивилизованному человеку. Да и дикари прекрасно знают, куда следует смотреть в таких случаях. Задрав голову, Рогов проследил за серебристым росчерком, промелькнувшим меж далеких вершин. Самолет шел быстро и, похоже, снижался. Может, где-то там внизу, в ущелье, куда отсюда не заглянуть, тянется взлетная полоса, устроенная для обслуживания туристов? Правда, смущают размеры воздушного судна: пусть Рогов и мало смыслит в таких делах, но высокие горы – не лучшее место для авиалайнеров. Здесь требуется техника поскромнее.

Самолет начал разворачиваться в одну сторону, затем, передумав, в другую, пьяно при этом качнувшись и потеряв приличный кусок высоты. Совершив этот непонятный маневр, задрал нос, а двигатели загудели так, что, даже стоя вдали, Рогов проникся. Экипаж, похоже, пытался выжать из них всю мощность до капли, но или не успел, или не хватило ее. Огромная серебристая машина на полной скорости чиркнула брюхом по скальной гряде, после чего исчезла за ней в попытке изобразить нечто вроде кувырка.

Рогов, сам не осознавая зачем, начал считать. На цифре тридцать пять гул двигателей оборвался глухим ударом и вернулась прежняя тишина.

А еще он теперь видел два источника дыма. Один там, где и раньше, левее, а второй, куда более скромный, в стороне, где исчез самолет.

Вот тут в голову наконец как следует постучал неизбежный вопрос: что здесь происходит и как он во все это ухитрился вляпаться?

Происходит что-то из ряда вон выходящее – это очевидно. Можно, конечно, предположить, что все это безумный розыгрыш и его сейчас снимают скрытыми камерами. Кто-то вроде того неведомого Долгаева решил, что дельфины – слишком скучно, и придумал нечто совсем уж концептуальное. Но горы, разбивающиеся самолеты и прочее – чересчур скромно для такого ничем о себе не заявившего человека, как Рогов. Для столь масштабной постановки подыскали бы кого-нибудь другого: поизвестнее, поколоритнее. Или хотя бы посмешнее. Столь скучная физиономия, к тому же лишенная даже намека на фотогеничность, зрителям вряд ли придется по душе.

Остановившись, он долгим, изучающим взглядом оценил семерку незнакомцев, продолжавших подъем. К этому моменту расстояние до них заметно сократилось, и можно было различить подробности, ранее недоступные или казавшиеся обманом зрения.

Зрение не обманывало: летняя одежда, вид донельзя растерянный, походка характерная не для альпинистов на маршруте, а для кучки горожан, заблудившихся в лесу и понятия не имеющих, в какой стороне платформа электрички.

А еще он понял, куда они двигаются. Похоже, не к Дмитрию. Да они его не замечают даже. Скорее всего обходят нагромождение камней и льда, что граничит слева с гладким заснеженным склоном. И огибают его не просто так, а с целью шагнуть дальше, к источнику того самого дыма, который Дмитрий заметил первым делом.

Все ясно: они, как и он, ищут признаки человеческого присутствия.

Ничем от него не отличаются, в такой же непонятной ситуации.

Смотреть телевизор Рогов не любил, но полностью этого зла избежать невозможно. Даже если не посмотрешишь, непременно найдутся желающие рассказать. Он смутно помнил, что вроде есть или было популярное шоу, где группа людей оказывалась в диких условиях,

и перипетии их тупых приключений снимали на камеры для потехи миллионов зрителей. Но попадали туда строго добровольно, еще и в длинную очередь выстраивались. К тому же современная съемочная аппаратура не бывает невидимой. Бывает, конечно, малозаметной, но такую надо как следует прятать, что проблематично на склоне, где нет ничего, кроме снега и камней. Да и камни встречаются лишь вдали, на границе этой ровной, будто вылизанной площади.

А если кто-то и ухитрился спрятать здесь аппаратуру, то где следы? Или он воспользовался ковром-самолетом? Тонкий слой рыхлого свежавывавшего снега поверх наста – даже птичьих цепочек не разглядеть, куда ни посмотри. То есть о дрессированных канарейках, мастерски размещающих шпионские камеры, не может быть и речи. Пройди кто-то покрупнее здесь до снегопада, повредил бы наст, выдав свою деятельность многочисленными неровностями, оставшимися там, где ступали его ноги.

И вообще – все эти мысли полный бред.

Но ведь как-то объяснять надо...

И куда пропала Леночка?..

Глупо, но почему-то захотелось кофе. А еще стало страшно. Страшно, что сойдет с ума или уже сошел. В столь непонятную ситуацию Рогов попал впервые.

– Без камер кино не снять, – заявил он.

Звук собственного голоса подействовал странно: противоречивые и панические мысли покинули многострадальную голову, и, анализируя изрядно отступившую боль, Рогов заподозрил, что именно из-за нее он мыслит и действует не всегда адекватно. Ведь до сих пор проблем по этой части у него не случалось.

Зачерпнул снега, натер виски (а вдруг поможет?), продолжил движение. Вскоре, оценив расстояние, остановился, прижал рупором ладони к лицу, прокричал:

– Эй! Народ! Слышите меня?!

Народ услышал. Дружно остановившись, завертели головами в разные стороны, что Рогова слегка удивило: похоже, у них проблемы с определением направления на источники звуков. Сколько сейчас между ними? Двести метров? Вряд ли намного больше. Хотя крутизна склона может обманывать взгляд. Да и не стоит забывать о проблемах с головой. Ну уж не километр точно, а он орал так, что и дальше должны услышать. Никакого другого шума ведь нет, даже ветер не задувает.

Один из незнакомцев наконец заметил Рогова, замахал руками, закричал в ответ:

– Стойте! Стойте! Мы к вам! Пожалуйста, подождите!

– Стою! – легко согласился Рогов.

Бродить по снегу в легких туфлях не самое приятное занятие, так что предложение полезное.

Семерка продолжила подъем куда шустрее, чем прежде, а тот, кто ответил, при этом не умолкал:

– Очень хорошо, что вы здесь! Мы уже не знаем, что и думать! Тут просто кошмар! Там, внизу, люди остались! Двое мертвых, а один очень плох и не может идти! Мы боялись его тронуть, оставили на месте, он может быстро замерзнуть! Надо поскорее вернуться по нашим следам, пока не поздно! Послать кого-нибудь к нему!

Настроение у Рогова и без того было не фонтан, а с каждым словом ухудшалось все сильнее и сильнее. Он не ошибся – эти люди в таком же непонятном положении и к тому же наивно надеются на его помощь. У них явные проблемы с восприятием действительности. И полное отсутствие способности анализа обстановки. Ведь одежду разглядеть нетрудно, а одного этого достаточно для правильных выводов. Но они ничего не осознавали, перли вверх радостно, с искренней надеждой на ценный приз, ждущий на финише.

Как ослы с привязанной перед носом морковкой.

Что-то в окружающем мире льда и снега начало меняться. Звук – в безмолвии холода зародился звук. Или даже не звук, а вибрация на грани слышимости. Рогов нечего не понял, но глубоко внутри уже проснулся инстинкт, который может сработать даже у человека, ни разу в жизни не видевшего высокие горы.

«Олух, вали отсюда, да поскорее!» – вот что Рогову сообщил этот самый инстинкт.

Предложение, возможно, и полезное, вот только поди пойми, куда именно следует валить. Куда ни глянь, ничего безопасного, надежного, ничего того, к чему хотелось бы побежать с целью спрятаться непонятно от чего.

Ноги заработали самостоятельно: Рогов попятился прочь от приближающейся группы, будто стараясь уйти от них наверх, к тому же спиной вперед. Подошва легко продавила тонкий слой рыхлого снега, хрустнул наст, голень скрылась на треть.

Треск. Он не стих после того, как нога продавила смерзшийся слой. Наоборот – начал усиливаться, и уже через считанные мгновения Рогов перестал понимать, откуда он раздается. Потому что звук шел не только снизу, а и слева, справа, спереди и сзади. И даже вверху, где только синь чистого горного неба, будто ломалась оледеневшая снежная корка.

Еще шаг назад, под опорной ногой при этом просел примятый снег, Рогов, пытаясь удерживать равновесие, замахал руками, но безуспешно. Завалившись на бок, он хотел было тут же вскочить, но целый пласт подрезанного его следами наста сорвался вниз, с неожиданной силой толкнул в бедро, а дальше уже скользили все новые и новые массы. Тело потащило вниз, развернуло. Глаза на кратчайший миг увидели, что такой беспорядок начался повсюду: все вокруг пришло в движение, устремившись вниз, на кучку продолжавших подъем людей.

Неужели они ничего не видят и не слышат?!

Попытки встать на ноги Рогов прекратил, толком не начав. На склоне, пришедшем в движение, опоры для ног быть не может. «Лавина!» – промелькнула в голове бесполезная мысль. Почему бесполезная? Да потому что он понятия не имел, что делать в такой ситуации.

По сути все, что Рогов знал про лавины: если попал под нее, все может очень нехорошо закончиться.

Увлекаемый вниз неудержимой силой, он отчаянно барахтался, пытаясь оставаться на поверхности, не дать затянуть себя под массу пришедшего в движение снега и льда. Получалось примерно так же успешно, как у таракана, угодившего в унитаз в момент слива и противостоящего стремлению воды утащить его в неведомые дали.

Плохо получалось.

Тело крутило во все стороны одновременно, пластины наста больно били в ничем не защищенное лицо и руки. Да и телу доставалось: от легкой одежды толку мало. А затем Рогова приложило обо что-то с такой силой, что воздух выбило из легких, а рот разверзнулся в безмолвном вопле. Но боль и неизбежная паника не помешали ему ухватиться обеими руками за камень, оказавшийся на пути лавины.

Не просто камень – ни к чему не прикрепленные камни не могли существовать на этом склоне. Лишь только толщина снежного покрова превышала допустимую законом гор мощность, сходила очистительная лавина. Впрочем, она и по другим причинам легко сходила. Вот как сегодня, когда спокойствие ледяного мирка было нарушено далеко идущими последствиями падения метеорита. Цепочка следов Рогова, разрезавшая многослойный пирог из наста и снега, явилась последней каплей, спровоцировавшей преждевременный сход.

Это был не просто камень, а выступ скалы. Эдакий гранитный зуб, проткнувший слой снега. Их мало было на склоне, и Рогову повезло вдвойне: в том, что он оказался в верхней части, а не на пути уже хорошенько разогнавшейся лавины, и в том, что такой подарок под вернулся у него на пути.

Все стихло так же быстро, как и началось. До ушей все еще доносились отзвуки эха, не успокаивавшегося после неожиданного концерта, но окружающий мир вновь застыл.

Рогов выплюнул изо рта невесть как оказавшийся там ледяной кляп, после чего с куда большим трудом избавил нос от двух пробок из того же материала. Уши тоже пришлось прочистить. Присел на колени, наскоро проинспектировал состояние. Щека в крови, но серьезных ран вроде бы нет; рубашка лишилась половины пуговиц, на левом боку изорвана, на коже там красуется коллекция свежих ссадин, парочка из них кровоточит, но помереть от этого вряд ли получится. Удивительно, но неудачно купленные туфли (чуть больше по размеру, чем следовало бы) остались на месте, а ведь прежде они норовили при малейшей возможности соскочить. Пусть несерьезная для гор обувь, но босым здесь ходить – это китайская пытка. Изрежешься о наст.

Осматривая себя, Рогов не забывал бросать взгляды по сторонам. Он понятия не имел, как далеко его снесло вниз по склону, но подозревал, что не слишком: долгую «прогулку» такого рода он бы, может, и перенес, но с куда худшими последствиями.

Ничего. Вообще ничего нового не увидел. А вот из старого кое-что исчезло. Люди. Та группа, к которой он спускался. Ни следа от них Рогов так и не увидел. Встал во весь рост, но это тоже не помогло – никаких признаков человека.

Куда они исчезли? Мозг предложил два варианта ответа: людей отнесло вниз, за границу, после которой склон, похоже, становится гораздо круче. Дальше нее Рогов ничего не мог разглядеть. Точнее, мог – провал ущелья, разделяющего две горы. Или скорее хребта, он понятия не имел, как будет правильнее.

Второй вариант был хуже: люди остались где-то рядом, но им повезло меньше, чем Рогову. Они здесь, в пределах видимости. Возможно, в считанных шагах. Заваленные смесью снега и ледяных обломков. Возможно, сильно покалеченные, потерявшие сознание, задыхающиеся.

Как их разыскать, Рогов понятия не имел. Пришла мысль покричать, но он колебался. Вроде бы громкого звука иногда бывает достаточно, чтобы спровоцировать сход лавины. Нет, это полный бред. В смысле что сейчас не сработает. После того, что здесь произошло, спровоцировать новую лавину может разве что близкий ядерный взрыв.

Тем не менее первые его крики были скорее громкими словами. Опасался. А зря. Даже когда устал надирать горло, не сумел ни снежинки с места сдвинуть.

Никто не ответил.

А затем Рогов понял, что он не кто иной, как идиот. Потому что после лавины снег здесь если и остался, то в количествах, достаточных для погребения кошки, при условии что она не слишком упитанная. Его снесло вниз, и если людей погребло, то искать их следует именно там, а не разоряться впустую.

Вздохнув, Рогов начал спускаться к той границе, за которую не мог проникнуть взгляд. Может, найдет пропавших там. А не найдет, так что-нибудь другое увидит. Он ведь до сих пор не знал, в какую сторону следует идти. Но то, что оставаться здесь нельзя, – очевидно.

Лавина, потрепав Рогова, сделала и доброе дело: после нее стало гораздо легче идти. Ступни теперь не надо было выдирать из снежного плена на каждом шагу, правда, появилась другая проблема: оголилось обледеневшее основание склона. Летняя обувь не лучший вариант для такого «катка». Потеряв равновесие на крутом участке, рискуешь скатиться неизвестно куда, и кто знает, чем все это закончится. Хорошо, если всего-то новыми ссадинами.

В общем, быстро идти не получалось.

Рогов брел и брел, без остановок, все вниз и вниз, непрерывно оглядываясь в напрасной надежде увидеть хоть кого-нибудь. И наконец дошел. Заглянул за ту черту, куда прежде не мог проникнуть взглядом.

И отшатнулся.

Пропасть столь глубокая, что можно не преувеличивая сказать: без дна. Если упасть, то, пока долетишь, оглохнешь от собственного крика. И свихнешься к тому же.

Лавина очистила склон от снега, сбросила его вниз вместе со всем, что увлекла за собой. Поиски закончены, про бедолаг, оказавшихся на ее пути, можно забыть.

Глава 2

Расстояние в горах – понятие относительное: километр можно преодолеть как за десять минут, так и за несколько дней. Разные здесь километры бывают... А еще Рогов, прежде не жаловавшийся на слабую физическую форму, стал быстро уставать. Два-три десятка шагов вверх по круче, и сердце колотится как сумасшедшее, да и одышка дает о себе знать. Кратковременный отдых не помогал, а вредил: без движения тело замерзло. Даже на ходу не комфортно, а как остановишься, так тут же озноб бить начинается. Приседал на корточки, сберегая тепло, скрещивал руки, дул в сомкнутые ладони: все тщетно.

А солнце при этом двигалось неприятно быстро. Или так казалось. В любом случае не так уж долго ждать момента, когда оно скроется за вершинами того хребта, что вырастает по другую сторону пропасти. И вот тогда Рогов замерзнет всерьез.

Далеко не факт, что сможет пережить ночь.

В общем, стимул двигаться как можно быстрее у него был. Куда? Он не придумал ничего нового: туда же, куда направлялась исчезнувшая группа, а значит, для начала надо обогнуть скальный гребень. Если смотреть снизу, то он по правую сторону ограничивает склон. И откуда-то из-за него продолжают подниматься струйки дыма. Напрямик не получится: хоть гребень невысок, но коварно обрывист, да и обледенел местами. Без специального снаряжения лезть туда – это переломы зарабатывать.

Рогов двигался параллельно преграде в надежде, что где-нибудь там, выше, найдется проход. Надежда была обоснованна, ведь сразу после того, как пришел в себя, еще до схода лавины, у него была возможность разглядеть гребень с куда более высокой точки, и он помнил, что дальше тот становится ниже.

Солнце стояло все еще высоко, когда он наконец повернул вправо и начал осторожно подниматься по нагромождению скальных выступов. Тоже рискованно, но искать более удобный путь нет времени. Неизвестно, сколько потом придется двигаться до источников дыма или пара, зато точно известно, что небесное светило ждать не станет, а идти в темноте по таким местам – безнадежное занятие.

Тут и по свету не очень-то...

Вершина гребня. Здесь Рогов смог бросить первый взгляд на то, что являлось источником дыма. И ничего не понял. Противоположный склон оказался гораздо выше, но не обрывистый. За ним выстроилась серия параллельных гребней, будто к гладкому горному спуску кто-то приложил боковой стороной исполинскую расческу. На самом краю этой «расчески» нагромождение неприглядного вида куч. Не простые камни или лед, да и глаз выхватывает кое-где подзрительно прямые линии. Пусть и короткие, но на природные образования не похоже. Детали рассмотреть трудно, да и выпирающие вершины некоторых гребней мешают, но понятно, что именно эти кучи, точнее, некоторые из них являются источниками дыма. Теперь, подбравшись ближе, Рогов не мог перепутать его с паром. Слишком грязные оттенки, да и ноздри легко почуяли характерный запах.

Спуск к «расческе» без приключений не обошелся: Рогов все же поскользнулся и прокатился пару метров, после чего не без труда сумел удержаться, чтобы не грохнуться с невысокой, но опасной бровки. Под ней полным-полно острых камней, его многострадальным бокам такое приключение вряд ли бы понравилось.

На преодоление «расчески» у Рогова ушло не меньше часа. Несмотря на то что все время двигался, околел еще больше, потому что то и дело попадал в тень от очередного гребня. Очень уж неудобно в это время суток солнце стояло. Он окончательно понял, что ночь ему в такой одежде не пережить, и осознание этого заставляло его продвигаться все быстрее и быстрее, преодолевая усталость и нескончаемую одышку.

И вот наконец последнее, самое высокое препятствие. Гребень, заслонявший источники дыма. С того самого момента, как Рогов спустился к «расческе», именно он не позволял разглядеть детали.

Окоченевшими пальцами ухватившись за ледящийся край камня, Рогов с натугой подтянулся, перекинул ногу, затем вторую, не давая себе ни секунды на передышку, отполз от края. Штанина при этом зацепилась за острый выступ, послышался треск ткани. Но на это он уже давно не обращал внимания. Легкая, не слишком качественная одежда, пострадав в первый раз во время лавины, далее только тем и занималась, что продолжала страдать.

Настало время посмотреть, ради чего он превратил рубашку и брюки в никуда не годное тряпье.

Рогов никогда не видел разрушенные землетрясением или войной городские кварталы, но про то, что он сейчас увидел, можно сказать именно так. От некогда высоких домов остались груды железобетонных плит, ошестинившихся обрывками арматуры. Кое-где среди завалов частично сохранились стены нижних этажей, именно их ровные линии заприметил он в тот раз, когда впервые разглядывал это место издали.

Да, насчет места следует отметить огромную странность. Никто не станет проектировать городской квартал в таком районе. Неровный, изломанный склон, местами отвесные кручи, иной раз даже с нависающими карнизами. Ни одной безопасной площадки под многоэтажный дом не найти.

Да тут даже будку собачью непросто поставить.

Глядя на то, что осталось от некогда высокого здания, ныне буквально размазанного по крутому склону, Рогов заподозрил, что его сбросили сюда с исполинского самолета. Или нет: скорее вертолета. Само собой, тоже огромного. Тот, притащив многоэтажку, завис, дождался, когда дом коснется земли, и отпустил трос. Вот только коснулся он лишь одним краем, а второй остался без всякой поддержки. Конструкция, не простояв и мгновения, подчиняясь законам физики, завалилась набок и покатила вниз, быстро превратившись в груды обломков.

Если посмотреть на остальные здания, то и там картина схожая. К тому же возле подобных домов принято строить подъездные пути, асфальтированные площадки, пешеходные дорожки. Все это должно куда меньше страдать при катаклизмах, однако здесь лишь местами видны признаки, что когда-то что-то было. И то не факт: возможно, обман зрения.

Никто никогда ничего здесь не строил. Все эти развалины остались от домов, которые попали сюда так же, как попал Рогов.

Непонятно как...

На осознание этого факта у Рогова ушло не более минуты, причем большую часть времени он не занимался анализом того, как это все могло произойти, а обшаривал корыстным взглядом руины.

Ему срочно надо было согреться. Солнце еще светит, и светит ярко, но помогает это слабо. А в руинах могут найтись теплые вещи. Да и дыма без огня не бывает. Вон, сразу в трех местах столбы поднимаются.

Спустившись вниз, Рогов направился к ближайшему источнику дыма. Тот струился из кучи обломков, некогда являвшихся частью высокого здания. Этажей в девять, не меньше.

Карабкаться по частично уцелевшим строительным конструкциям было куда проще, чем по горам. Здесь не было предательского льда. Разве что приходилось аккуратно выбирать маршрут и осторожно ступать, потому как некоторые плиты находились в неустойчивом положении. То и дело доносились звуки, свидетельствующие о том, что в руинах продолжаются процессы усадки и обвалов. А еще надо было следить за арматурой, острые края прутьев могли не только окончательно без одежды оставить, но и нанести опасные раны.

Дым струился из широченной трещины, переломившей плиту перекрытия на манер туристической палатки. Никаких признаков открытого огня, очевидно, что-то тлеет глубоко

в завале. Поверхность бетона была приятно теплой, но и только. Попытка погреться у отверстия закончилась плачевно: Рогов долго с натугой откашливался. Горел пластик и прочая используемая в быту и строительстве химия, одного глотка здешнего воздуха хватило, чтобы выбросить из головы всякие мысли о ночлеге в таком месте.

Это уже не воздух – это оружие массового поражения.

Первый труп Рогов обнаружил у подножия чадящего завала: из-под бетонной плиты торчала верхняя часть тела мужчины. Половую принадлежность можно было установить лишь по густой бороде, слипшейся от запекшейся крови. Отчаяние еще не довело его до состояния, при котором забываешь о всякой брезгливости и моральных принципах, так что к покойнику он не прикоснулся.

Да и что там брать? Такие же легкие, ни на что не годные тряпки, как и у него.

Узрев кусок ткани, выглядывающий из-под обломков, сперва было обрадовался, но в итоге вышло огорчение. Всего лишь угол ковра. Можно, конечно, в него завернуться попробовать, но для этого надо провести серьезные раскопки, а голыми руками сдвигать куски бетона весом по несколько центнеров не очень-то удобно.

К моменту, когда солнце скрылось за стеной западного хребта, Рогов, растеряв значительную часть принципов, стал обладателем сокровищ, коим не всякий бомж обрадуется. Грязными занавесками обернул ноги, после чего напялил брюки. Из них же соорудил подобие портянок, и немаленький размер обуви в этом случае сыграл в плюс. Не побрезговал снять пиджак с очередного тела, благо последнее было не в таком ужасающем состоянии, как первое. В кармане нашлась зажигалка, что весьма кстати.

Но главная ценность обнаружилась в чудовищно помятой машине технической службы. Пролетариат запаслив, вот и здесь не подкачал. Рабочие перчатки, потрепанная шапка-ушанка из материала неизвестного происхождения и величайшая ценность – ватник, богато разукрашенный пятнами смазки и прочих, не поддающихся идентификации веществ.

Приодевшись, Рогов мог не без успеха сыграть в массовке фильма про ужасы ГУЛАГа. С его полубезумным взглядом, при неутихающем ознобе и прочем могли даже роль доверить. Ну это если без слов.

Обломки мебели, деревянных конструкций зданий, доски из борта раздавленного пачкой плит грузовика: Рогов устроил нормальный костер, теплый и без химической вони. А с помощью кусков стекла уже в глубоких потемках сумел наконец отрезать немалый кусок того самого ковра. Не сказать, что устроился на ночь как султан, но зато с обоснованной надеждой дожить до утра.

Солнце, осветив вершины гор, затем поднималось очень неспешно, прежде чем заглянуть в бездну холода и дурных мыслей, на дне которой дожигал остатки дров пленник неизвестных гор.

Ночка выдалась не из тех, что принято называть романтическими. Хуже у него, пожалуй, еще не было. Спать не спал, а так, отключался, проваливаясь во мрак забытья, чтобы, вскочив, спешно подбросить порцию топлива в огонь. Едва костер слабел, как холод набрасывался с четырех сторон. Если пламя ревело весело, таких сторон оставалось лишь три. Вот и вертелся как белка в колесе, пытаясь хоть немного согреть бока и спину.

Хорошо бы два костра устроить, спереди и сзади, но на такую роскошь дров не напасешься.

Да и огонь тут какой-то не такой. Разгорается неохотно, жар есть, но, чтобы его ощутить, надо вплотную к пламени располагаться. По идее на такой дистанции одежда должна занимать, но ничего подобного не происходило: всего-то в паре мест ватник подпалил.

Еще минус – ковер не спасал от мороза, подкрадывавшегося снизу, а мужчине, как известно, нежелательно сидеть на холодных предметах.

В общем, по итогам ночи Рогов был готов познакомиться с целым букетом опасных заболеваний. Впрочем, доконать его они не успеют: холод и голод первые в очереди палачей.

Просыпаясь, он несколько раз видел отблески пламени выше по склону. Где-то там располагался один из источников дыма, примеченный засветло. Если там так весело пылает до сих пор, следует сходить проверить.

А еще с той стороны один раз донеслось что-то похожее на человеческий крик.

Вряд ли. Послышалось. Скорее всего, где-то там в очередной раз просел завал, издав при этом необычный звук.

Глава 3

Тепла Рогов так и не дождался: погода испортилась за какие-то полчаса, если не быстрее. Еще в предзакатных сумерках небо начали затягивать непроглядные тучи, временами срывался снег. Сухие мелкие снежинки подолгу кружили, прежде чем упасть. Зарождающийся ветерок легко возвращал их в воздушную стихию и норовил бросить в лицо. Стало заметно теплее, чем ночью, но куда хуже, чем вчера, немеющий нос то и дело приходилось растирать. Спасибо шапке, что хоть как-то спасала уши. Завязок у нее не наблюдалось, заменить их чем-то не менее эффективным не доходили руки, но даже в «развевающемся положении» помогала здорово.

Страшно подумать, что здесь начнется в случае сильного снегопада. Нет, лавин опасаться не стоит, им просто негде разгуляться среди этих развалин. Дело не в них, а в том, что местность густо усыпана опасными обломками. Даже сейчас местами трудно передвигаться, а если все замаскирует белый покров, каждый шаг станет рискованным. Попала нога в щель между плит, завалился на бок, а там как раз арматура тебя дожидается, острая и ржавая. Доктора, которому можно пожаловаться на пробитую печень, в округе не наблюдается, так что...

Пробираясь через очередной завал, Рогов обнаружил нечто, что вряд ли будет полезным в его скромном хозяйстве, но тем не менее замер статуей. Вывеска. Всего-навсего вывеска. Но дело в том, что вывеска хорошо знакомая. Он ее видел каждый будний день на протяжении вот уже четырех с половиной месяцев. С той самой поры, как сменил место работы. Она бросалась в глаза при каждом подходе к окну, потому как располагалась на такой же высоте на здании, что напротив.

Рогов не считал себя великим гением, но и к полным дуракам тоже не относился. И на наблюдательность не жаловался. Глядя на вывеску, он тут же поверил, что все эти развалины не что иное, как остатки того квартала, в одном из зданий которого ему пришлось работать последние месяцы. Однако, как ни приглядывался, более ничего знакомого не заметил. Непонятный катаклизм превратил почти все в безликие обломки, и лишь случайные находки вроде этой могли намекнуть на то, что здесь было ранее.

А еще практичный ум тут же выдал практичное заключение: ничего полезного в данном месте не найти. Так уж получилось, что на немалом пяточке собрались здания, напичканные предметами, ценность которых в данной ситуации нулевая. Ну разве что ему внезапно взбредет в голову собрать коллекцию разбитой офисной техники. В процессе этого может повезти разве что с находкой чая, кофе, сахара и просроченного печенья. Да и то если залезть в закрома кого-то вроде Леночки.

Где, кстати, она? И что с ней?

Рогов закрутил головой, пытаясь понять, где именно располагаются обломки здания, в одном из офисов которого он оказался в момент катастрофы. Неизвестно. Везде одинаковый хлам.

Вскоре он нашел еще кое-что знакомое: вместо бетона куски куда более легковесных конструкций и среди них россыпь помятых легковых автомобилей. Этот дилерский центр он знал. Возле него располагалась единственная в округе адекватная автостоянка, а за ней остановка автобусов сразу нескольких маршрутов.

Остатки автостоянки он тоже нашел, хотя те были сильно засыпаны скатившимися по склону обломками многоэтажных домов. Их возле нее было два, и оба развалились до полной неузнаваемости. Первые этажи ранее были заняты разнообразными магазинчиками, верхние вроде как жилые, но по факту часть превратили в бюджетную гостиницу, в других ютились многочисленные фирмочки. Если кто-то здесь и проживал, то последние могикане.

А вот дальше, за жилыми домами, было кое-что поинтереснее. Где-то там, наверху, должны быть руины супермаркета. Еда, вода и множество полезных вещей. Надо запомнить место, потому как голод заявляет о себе уже не на шутку. При таких затратах энергии можно быстро потерять силы, и тогда уже Рогов отсюда точно не выберется.

Чем далее, тем меньше он верил в спасение со стороны. Очень может быть, что придется выбираться своими силами.

Несмотря на то что с момента катастрофы уже скоро сутки прошли, дым в том месте, куда двигался Рогов, продолжал подниматься. Значительно слабее, чем вчера, но все равно заметно.

Ноздри уже различали запах гари, без химии, не раздражающий обоняние, когда уши уловили подозрительный звук. Сквозь шум усиливавшегося ветра доносился ритмичный звон металла.

Кто-то работал. Усердно колотил железякой по чему-то твердому. Возможно, по другой железяке. Ритмичность и сила звуков не оставляли сомнений в искусственности их происхождения. Ни все более усиливающийся ветер, ни что-то другое здесь ни при чем.

Стандартный олух на месте Рогова не придумал бы ничего лучше, как броситься в направлении источника звуков, завывая от радости. Но Рогов не такой. Хоть он не сильно забивал себе голову причинами, по которым здесь оказался, назвать его легкомысленным нельзя. Он просто сразу решил, что напрягать мозг по этому поводу не стоит, потому как нет никакой информации. А значит, чем гадать на кофейной гуще (да и той не имеется), следует заняться куда более практичными вещами.

Однако сейчас, столкнувшись с явными признаками выживших людей, он не собирался поступать так же опрометчиво, как и при той плохо закончившейся первой встрече.

Та встреча плохо закончилась для группы незнакомцев, эта тоже может плохо закончиться, но уже для Рогова. В ситуации, когда не понимаешь, как, собственно, в эту ситуацию попал, но прекрасно осознаешь, что она не из приятных, опасаться следует абсолютно всего.

В голове возникла картинка: такого же бедолагу, как и он, замерзшего, голодного, растерянного, привязали к бетонной плите и лупят что было силы кусками арматуры.

За что лупят? Да какая разница. Может, и вовсе просто так. Только за то, что попал сюда сам не зная как.

А может, лупят именно те, кто причастны к попаданию.

В общем, напрямую Рогов не пошел. Вместо этого забрался на ближайшую грудку обломков и, используя укрытия, попытался разглядеть подробности происходящего, но замыслу мешали руины. Пришлось сместиться ближе, потом пойти в обход, чтобы не рисковать, перебегая открытое пространство. Маневрировал он около часа. К тому моменту ритмичный звон давно затих, но время от времени раздавался схожий шум, явно производимый человеком. Да и дым шел то гуще, то слабее, будто кто-то время от времени подбрасывал в затухающий огонь порции дров.

Бесконечно кружить вокруг – глупая затея. Так и не найдя безопасного с его точки зрения подхода, начал пробираться не просто по кучам хлама, а по остаткам здания, перемешанным с хламом. Опасно перекосившиеся стены и перекрытия намекали, что долго в таком положении не продержатся. Этому дому относительно повезло, он оказался на более-менее ровной поверхности. Но удар был такой силы, что верхние этажи частично рассыпались, частично сложились на манер гармошки на нижние. А запас прочности у нижних небеснобесконечен, да и стоят они не пойми на чем. Вроде бы блоки фундамента наблюдаются, вот только вкривь и вкось располагаются, да и никто их здесь не монтировал в подготовленном котловане, а стоят как получилось.

В общем, Рогов даже дышал через раз, когда пробирался через здешние завалы. А когда сверху скатились камешки, увлекая за собой облачко пыли, он минуты две стоял статуей, отчаянно сражаясь с нестерпимым желанием чихнуть.

Обошлось. Благополучно преодолев опасное препятствие, он оказался там, где планировал оказаться. Это место он вспомнил, заметив еще издали. Автозаправка. Ее трудно не узнать, даже с учетом нынешнего плачевного состояния. Крыша, обшитая пластиком, некогда предохраняла колонки от капризов погоды, но теперь завалилась на один край, другим кое-как удерживаясь на перекошенных столбах. За ней, как за щитом, как раз и поднимался столб дыма. И именно туда он не мог заглянуть, как ни старался.

Но только не с этой позиции. Укрывшись за вздыбленной железобетонной плитой, он, осторожно выглянув, изучил открывшуюся картину. Чуть дальше колонок виднелись остатки магазинчика, торгующего всякой всячиной, как это принято на уважающих себя автозаправках. Возле него дымил костерок, рядом с которым на кипе картонных листов сидела, скорее всего, женщина. Возможно, немолодая. Рогов пришел к этому выводу скорее интуитивно, чем анализируя факты. Потому как одета она была ничуть не лучше его: такой же хлам, кое-как приспособленный и известно где добытый. Закутавшись во всевозможные тряпки с ног до головы, эта мумия время от времени подбрасывала дровишки в костер, разведенный в большом очаге.

Среди руин магазинчика копошились еще трое. С виду вроде мужчины, хотя понять опять же не так просто. Именно они время от времени и шумели, откидывая в сторону очередной обломок или пытаясь стронуть с места что-то не поддающееся.

Не надо быть профессором, чтобы понять смысл их занятия. Им, как и Рогову, тоже хочется есть. С едой в подобных точках не ахти, но набить желудок можно. К тому же магазинчик миниатюрный, в один этаж, большей частью из легковесных конструкций, соседние здания, разрушаясь, не завалили его бетоном и железом до безнадёжного состояния, так что особых усилий для разбора завалов не требовалось.

Очередная кучка незнакомцев не удосужилась выставить наблюдателей или часовых. Оружия у них вроде не было, да и выглядели они как-то неагрессивно. Решившись, Рогов покинул свой наблюдательный пункт.

Костер и правда поддерживала женщина. Она заметила Рогова, когда тот уже обошел перекошенный навес над заправками и до нее оставалось не более пары десятков шагов.

Если она здесь за часового, то с безопасностью у ребят дело швах.

– Ой! Ребята, тут еще кто-то!

Не похоже на крик тревоги, и вообще никаких агрессивных ноток в голосе, но Рогов остановился. В случае, если у здешних ребят нехорошие мысли, лучше не на кулаки надеяться, а на быстрые ноги, а им очень помогает дистанция до потенциальных преследователей.

Троица, бросив раскопки, дружно обернулась в его сторону. Один, защищавший голову чем-то похожим на тюрбан самого нищего подданного Османской империи, поднял руку:

– Привет! Ты один?!

Рогов, все еще не расставшийся с недоверчивостью, молча кивнул.

– Если замерз, погрейся, мы тут пять минут покопаемся еще, нарыли кое-что. А там поговорим.

Троица как ни в чем не бывало вернулась к своим занятиям. Рогов, не став отказываться от предложения, подошел к костру, присел на корточки, снял рабочие рукавицы, натянутые на каждую руку по две штуки, вытянул ладони над костром. И тут же отдернул: горячо.

– Дров не жалко? – уточнил у женщины.

Та, закутывая лицо поглубже в нечто, что, скорее всего, еще вчера было половой тряпкой в общежитии для студентов из слаборазвитых стран Африки, глухо ответила:

– Для спасателей пожарче жгу, чтобы заметили. Здесь много еще. Хватит.

Он чуть повернулся, оценил кучу запасенных дров. Нахмурился:

– У вас нормального дерева мало, остальное плиты и гадость всякая.

– Плиты? – не поняла женщина.

– Ну вроде фанеры. Стружка с клеем. Отрава та еще. Ее если жечь, дышать опасно.

– Ну ребята принесут что надо, ты им объясни только, я в этом мало понимаю. Сижу просто, за огнем слежу.

– И давно вы тут... сидите? – уточнил Рогов.

Его вопрос поняли правильно, и он услышал краткий пересказ всех последних событий:

– А вчера сюда попали. Все сразу. То есть я одна была сперва. Пошла на дым, а тут Дима с Игорьком. Потом еще Владик пришел, Наташа и Толик. Так до вечера и собирались. Был еще один, звать не знаем как, не сказал. Совсем плохой был, по крикам нашли. Умер быстро. Тут мертвых много...

Рогов считать умел, в том числе и до шести. Но здесь наблюдалось лишь четыре человека:

– А где еще двое?

Женщина не стала никуда указывать, ответив:

– Толик с Наташей туда пошли. Там дым вчера был какой-то, может, найдут кого.

Рогов обернулся, кивнул в ту сторону, откуда пришел:

– Туда?

– Ага. Туда.

– Странно, что разминулся с ними. Я оттуда пришел.

– И что, никого больше не было?

– Только мертвые.

– Ну эти везде есть. Воды хочешь? Теплой?

– Можно.

Женщина открыла лицо. Как Рогов и подозревал изначально, не первой молодости, хотя по голосу больше тридцати и не дашь. Воду она наливала из корпуса огнетушителя. Похоже – единственная посуда у этой группы. Ну а что поделаешь, если кастрюли и чайники здесь на каждом шагу не валяются. Да и стаканов нет, вместо этого использовала обрезок пластиковой бутылки. Поясняя в процессе:

– Вода у нас только талая. Снег пришлось издали таскать, здесь почти нет, а тот, что есть, грязный сильно. Как все упало сюда, так и перепачкался. А отойдешь в сторонку – и чистый-чистый.

Вода отдавала мылом, и хорошо, если это действительно мыло, но Рогов выпил одним махом и печальным взглядом намекнул насчет добавки. До этого ему приходилось довольствоваться лишь снегом и кусочками льда, жажду они почти не утоляли.

– И нам наливай, – донеслось от места «раскопок».

Троица подошедших мужчин наперебой начала представляться, протягивая руки без всякой очереди. Похоже, главный среди них не определился, несмотря на то что один серьезно старше двух других. Владика называть Владиком язык не поворачивался, мужику явно за полтинник, а то и за все шестьдесят, а вот Игорь с Дмитрием почти ровесники: лет под двадцать пять, вряд ли больше. Ненамного от Рогова отстали. Последний, узнав, что новоприбывший его тезка, уточнил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.